

- ⁴ Флоренский Павел, священник. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. М., 1992. С. 280.
- ⁵ Там же. С. 11–12.
- ⁶ Там же. С. 25–26.
- ⁷ Там же. С. 26.
- ⁸ Ключевский В. О. Избранные произведения. М., 1983. С. 182.
- ⁹ Флоренский Павел, священник. Детям моим... С. 323.
- ¹⁰ Там же. С. 437.
- ¹¹ Там же. С. 26.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 281–282.
- ¹⁴ Там же. С. 11–12.
- ¹⁵ Там же. С. 12.
- ¹⁶ Там же. С. 282.
- ¹⁷ Там же. С. 120.
- ¹⁸ Там же. С. 419.
- ¹⁹ Флоренский П. А., священник. Соч. : в 4 т. Т. 3(2). М., 1999. С. 35.
- ²⁰ Там же. С. 29.
- ²¹ Там же.
- ²² Флоренский П. А. Время и пространство // Социс. 1988. № 1. С. 113.

УДК 316.3

ОСНОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н. Ю. Кравченко

Саратовский государственный университет
E-mail: kravchenko.n@gmail.com

В статье анализируются различные процессы формирования гражданской идентичности в Средние века. Выявляется специфика средневековой западно-европейской гражданской идентичности на основании триады: «рациональное», «психическое» и «телесное».

Ключевые слова: западно-европейская гражданская идентичность, средневековый индивид.

Bases of Medieval West European Civil Identity

N. U. Kravchenko

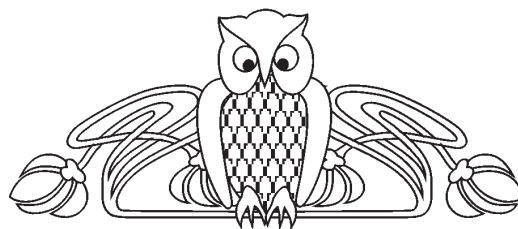
In this article author analyses different process of civil identity forming in the Middle ages. In the article specifics come to light of the Medieval West European Civil Identity. It is conducted on the «rational», «psychological», «bodily» triad basis.

Key words: West European civil identity, medieval individual.

Традиционно Средневековьем считают период с V по XV в. Окончательно же средневековое мировоззрение уходит в прошлое только после Реформации (конец XV – XVII в.).

Раннее Средневековье (время варварских королевств) – это время отсутствия стабильности, государственной власти, постоянных набегов, эпидемий, делавших жизнь человека крайне тяжелой и опасной. Главным очагом стабильности, культуры, надежды в этих условиях стала церковь, объединявшая людей. Именно в этот период зарождается и противостояние церкви и государству, характерное для эпохи Средних веков.

В раннесредневековых государствах (примерно V–IX вв.) общественные связи, будучи прежде всего межличностными, носили главным образом природный, органический и патриар-

хальный характер и включали в себя племенные, родовые, семейные связи, отношения между родственниками и т. п. Поведение же индивидов в варварских обществах полностью определялось их принадлежностью к социальному разряду или общественному слою.

При этом, как отмечает А. Я. Гуревич, становление индивидуальности на протяжении Средних веков шло не «эволюционно-плавно», а «толчками, с прорывами вперед и отступлениями»¹.

В средневековой правовой концепции права индивида определялись его заслугами и занимаемым местом, а положение основывалось на его службе. Во главе иерархической лестницы стоял Богом установленный монарх. Основой средневекового права было не согласие, а послушание и верность граждан. Этику полисной государственности античных цивилизаций сменила феодальная этика личного служения. По выражению французского медиевиста Ле Гоффа, «античный человек должен был быть справедливым, средневековый же верным»².

Феодальное общество являлось, прежде всего, сословным, жестко иерархичным обществом, а специфической чертой социального уклада было осознание неизбежности иерархии.

Однако для средневековой эпохи, изобиловавшей многочисленными социальными катаклизмами, нужны были более мощные естественные регуляторы психологической стабильности, новые способы эмоциональной разрядки, избавления от ощущений страха, вины и пр. В Западной Европе таким регулятором стало христианство. Римская католическая церковь во главе с Папой противопоставила свою строгую централизованную систему контроля над умами и душами людей разрозненному феодальному госу-

дарствам. Первопричиной и первоосновой мира были объявлены Бог, Его сущность, что составило суть средневековой философии теоцентризма.

Для раннего Средневековья была характерна двучленная модель с двумя частными схемами-парами. Важнейшая из них – оппозиция «клирик ↔ мирянин». Такая схема отражала социальную реальность общества, во всех сферах которого полностью господствовала религия, а духовенство являлось его важнейшим элементом. Другая схема-пара отражала мирскую линию осмысления социального расслоения общества и выражалась оппозицией «могущественный (имеющий власть) ↔ бедный (зависимый)» или «сюзерен ↔ вассал». По мере развития экономических отношений и превращения богатства в важнейший источник и следствие могущества и власти эта формула трансформировалась в схему «богатый ↔ бедный».

В дальнейшем (X–XI вв.) эта модель приобретает трехчастный характер, становясь классической для всего Средневековья схемой, согласно которой феодальное общество состояло из трех функциональных категорий-классов (сословий): молящиеся (*oratores*), сражающиеся (*bellatores*) и трудящиеся (*laboratores*).

Индивидов феодального общества характеризовал прежде всего их правовой статус, который был неотделим от них. О средневековых сословных и правовых категориях населения нельзя говорить как о застывших закрытых кастах, где запрещались переходы из одной группы в другую. Несмотря на всю статичность и жесткую иерархичность феодального общества, оно обладало довольно большой социально-правовой мобильностью. При этом правовой статус, который наследовался или приобретался, всегда был связан с внутренней природой индивида, определяя его сущность. В развитом феодальном обществе межличностные связи уже не носили природного характера, как в варварских королевствах. Вассально-сеньорные связи становились чисто социальными, но, в отличие от коллективных связей варварского общества, они строились на индивидуальной основе. При этом каждый член феодального общества был тесно связан с другими членами своей группы³.

Феодальное общество – прежде всего корпоративное общество. Объединения, союзы рыцарей, монахов, бюргеров, купцов, ремесленников, членов семей в форме различных орденов, братий и братств, коммун, гильдий, цехов, общин, землячеств, патриархальных и индивидуально-родственных групп и даже религиозных сект – все они сплачивали людей Средневековья в тесные микромиры, которые обеспечивали им защиту и помощь и строились на основе взаимности. Уставы, статуты, кодексы поведения, обязательные для выполнения, жестко регламентировали поведение членов феодальных корпораций. Средневековый человек «не столь-

ко утверждался, – считает Ле Гофф, – сколько полностью растворялся в этих общностях»⁴.

Безусловно, корпоративность феодального общества препятствовала развитию индивидуальности ее членов, сковывала их инициативу, подчиняя личное сознание коллективному. Средневековые корпорации закрепляли и консервировали сложившиеся общественно-экономические отношения.

Положительная же сторона такой упорядоченности феодальной жизни заключалась в том, что неравноправные между собой средневековые объединения основывались на принципах равенства своих членов. Корпорации объединяли людей не только одной профессии (занятий), но и равного социального и правового статуса. В рамках таких групп отсутствовали вертикальные отношения господства и подчинения – сеньора с вассалом, поскольку и тот, и другой входили в разные группы. Социальные связи внутри феодальных корпораций, а следовательно, и идентификация их членов осуществлялись не «по вертикали», а по «горизонтали». Подчиняя себе, жестко регламентируя поведение и навязывая одинаковый образ жизни и мыслей, феодальные корпорации одновременно воспитывали своих членов в духе равенства и солидарности друг с другом, взаимного уважения прав, спланивали их в защите этих прав и общих интересов от внешних посягательств со стороны чужих – членов других корпораций.

Свобода как социально-правовая категория при феодализме также обладала особым содержанием, отличным от других эпох. Средневековое общество было обществом так или иначе зависимых людей. Крестьянин подчинялся феодалу, который являлся вассалом более крупного сеньора. Мелкие рыцари служили у крупных сюзеренов, у служителей культа тоже была своя иерархия. Над рядовым ремесленником стоял цеховой мастер и т. д.

Сочетание феодальных прав и вассальных обязанностей характеризовали каждого члена этой феодальной иерархии – от земледельца до государя, который мог быть вассалом императора, Папы Римского или Господа Бога. Полный абсолютный суверенитет был незнаком средневековому обществу. Абсолютный суверенитет в Средние века был только у Бога. Свобода человека Средневековья не исключала его зависимости, так же как и его зависимость не означала полного отсутствия прав. При феодализме существовал широкий диапазон градаций свободы и зависимости.

Средневековое общество являлось обществом с четко распределенными и фиксированными обычаями или законами, различными социальными ролями. Каждый его индивид был тесно связан со своей ролью, выполнение которой давало ему возможность осуществлять соответствующие этой роли права. Сама индивидуальность гражданина средневекового госу-

дарства в значительной степени определялась этой ролью.

Сословно-корпоративный строй феодального общества накладывал свой отпечаток не только на права, но и на саму внутреннюю природу, структуру сознания и способы поведения своих граждан. Житель Средневековья был, прежде всего, рыцарем, священником, крестьянином или ремесленником, а не индивидом, занимавшимся военной, религиозной, сельскохозяйственной или производственной деятельностью. При этом такой общественный порядок воспринимался как установленный Богом, естественный и неизменяемый. Для средневекового человека его социальная роль являлась его призванием (*vocatio*), предназначением, а Богом он был призван выполнять это предназначение и всецело соответствовать своей роли.

Основное значение периода Средневековья в развитии самосознания человека заключается в выделении внутреннего мира, интимного чувственного «Я», отличного от ранее привычного «Мы». Этот процесс индивидуализации и обнаружения самооценности человека как личности не был одномоментным, он происходил на протяжении всей истории Средних веков. При этом обретение человеком Средневековья своего внутреннего «Я» явилось непосредственным следствием иррациональной и во многом противоречивой картины христианского мира.

Расцвет городов, углубляющееся общественное разделение труда, усложнение производства и социальной структуры вели к разрушению трехчленной модели средневекового общества, которое становится многоликим и в сословном, и в профессиональном отношении. Этому способствовал и подъем городского населения, его торговой прослойки.

Появляется новая концепция общественной модели: священная королевская власть, возвышающаяся над тремя неравными друг другу сословиями – рыцарством, духовенством и бюргерством.

В развитом Средневековье с ростом городов значительно повышается престиж сословия «трудящихся». Сами они становятся неотъемлемым элементом общества, а их труд признается общественно ценным.

Если сеньориально-вассальные отношения спланировали рыцарей в *ordo* привилегированных, одновременно обособляя их от остальной массы общества, то бюргеры, будь то ремесленники или торговцы, не вели столь обособленного образа жизни. Средневековые горожане были включены в сложную сеть социальных связей и многоликих общественных групп. В существовавшей в городах плотной и сложной системе человеческих отношений на первый план выдвигались «горизонтальные» связи.

Потребность горожан в тесном единении с себе подобными приводила к созданию не толь-

ко цехов – профессиональных объединений, но и так называемых братств. В средневековых городах была целая сеть этих братств, даже небольшой город мог иметь несколько десятков подобных союзов. В рамках такого микросоциума «собратья» оказывали друг другу всякого рода помощь и содействие и одновременно осуществляли контроль над поведением лиц, входивших в братство⁵.

И. Б. Фан отмечает, что ментальной «основой» этих институтов служили чувства коммунальной, квартальной, приходской солидарности и ответственности. Ядро правового и политического сознания общины составляла солидарность граждан города (своих) и неприятие чужих. Собственное управление (господство) коммуны носило корпоративный, правовой, договорный и относительный характер⁶.

Процесс идентификации в Средние века шел снизу от коммуны, и государство выступало лишь инструментальной, вспомогательной формой. Именно средневековое городское общество было наиболее индивидуализированным, открытым для новых влияний и способным к многосторонним социальным и духовным контактам. Средневековые бюргеры идентифицировали себя не только со своими организациями, но, как в античном обществе, с городом и его окрестностями, гомогенность которых определялась общностью языка и единством гражданской культуры.

Если в античном полисе можно было наблюдать синкретизм города и деревни, то в Средневековье деревня выпадала из числа акторов, задающих параметры идентификационной матрицы, в том числе из процесса формирования гражданской идентичности, данные параметры задавал город. Гражданская идентичность являлась продуктом варьирования архаической гражданской идентичности.

Оппозиция корпорация ↔ индивид – главный источник становления личности в Средние века. Феномен средневекового горожанина был рожден в процессе динамичного взаимодействия его ментальности, сочетающей христианские, корпоративные и личностные ценности и нормы с институтами городского самоуправления⁷.

Составляющие идентификационного фундамента в Средние века, таким образом, меняются местами: на первый план выходит религия (психологическое), а рациональное (материальное и статусное) отодвигает телесное, доминировавшее в античную эпоху. Обретая статус, средневековый человек утрачивал телесность.

Таким образом, средневековый индивид представлял собой сословную личность, ищущую интеграции в своей корпорации, сообразующейся с ее стандартами, ценностями и идеалами и идентифицирующей себя прежде всего в ней.

Основой средневекового идентификационного фундамента являлась религия. Античная телесность, господствовавшая в Древней Греции и Древнем Риме, была отодвинута также и рацио-

нальным, выразившимся в корпоративности и статусности средневекового общества, основной принцип которого составляло служение. Служение Богу было доминантой духовной жизни, служение вассалов своим сеньорам – социальной.

В основе идентификационной матрицы средневековых людей находились идентичность верующих и идентичность членов корпоративных объединений, союзов и т. п.

Хотя корпоративные рамки феодальных объединений-корпораций существенно ограничивали идентификацию их участников, идентичность средневековых граждан формировалась прежде всего в них. В целом же общее увеличение гражданского населения за счет появления новых категорий граждан расширяло поле для идентификации в средневековом обществе.

УДК 316.75

СОЦИАЛЬНЫЕ ЗОНЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

С. В. Ситникова

Саратовский государственный университет
E-mail: skareva@yandex.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования уровня толерантности молодежи г. Саратова. Определены факторы и социальные зоны проявления различных типов толерантности. Кроме того, дисперсионный анализ позволил выявить степень согласованности мнений молодежи по ряду индикаторных позиций терпимости.

Ключевые слова: толерантность, терпимость.

Social Zones of Tolerance in Youth Community

S. V. Sitnikova

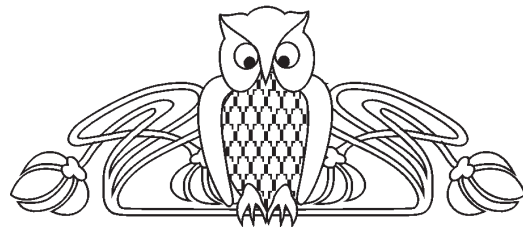
The article presents the results of empiric research of tolerance level among young people in Saratov. The factors and social zones of manifestation of different tolerance types are defined. Moreover, the analysis of variance helped to show the degree of consistency of young people's opinions according to the range of tolerance indicating points.

Key words: tolerance, patience.

Под толерантностью в социологии принято понимать терпимость, снисходительность к кому-либо, в обществе – терпимое отношение индивида, социальной группы или общества в целом к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам других людей или сообществ. Толерантность способствует достижению взаимного понимания и согласованию самых разных мотивов, установок и ориентаций без насилия и подавления достоинства других людей. В развитых обществах толерантность выступает как культурная норма и моральная ценность. Первые про-

Примечания

- 1 Гуревич А. Я. Словарь средневековой культуры. М. : РОССПЭН, 2007. С. 261.
- 2 Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М. : Прогресс-Академия, 1992. С. 33.
- 3 См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М. : Искусство, 1984. С. 168–169.
- 4 Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 162.
- 5 См.: Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М. : РОССПЭН, 2009. С. 155–156.
- 6 Фан И. Б. Концепт гражданина в политической мысли: методологические подходы и теоретические модели : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Екатеринбург, 2010. С. 25.
- 7 Там же. С. 26–27.

явления толерантности в истории человечества были связаны с урегулированием религиозной напряженности и выступали как веротерпимость. В условиях глобализации современного мира необходимость перехода к новому типу социальных отношений, основанных на принципах плюрализма и толерантности, становится очевидной. Толерантность начинает выступать в качестве неотъемлемого элемента современного понимания свободы, являющейся высшей человеческой ценностью¹.

Одной из задач нашего эмпирического исследования², посвященного изучению ценностных приоритетов молодежи, было выявление границ толерантности современных молодых людей. Что касается религиозной толерантности, самый высокий уровень готовности принять человека иной веры продемонстрирован для туриста нашей страны (58,7%) и близкого друга (57,8%). 52,2% из опрошенных молодых людей готовы всегда принять человека другой веры в качестве коллеги по работе, 50,8% – соседа по дому, 49,5% – гражданина страны, 44,7% – матери или отца своих детей и 41,1% – супруга, супруги (табл. 1). Представленные данные свидетельствуют о достаточно высоком уровне религиозной толерантности современной саратовской молодежи, причем даже в рамках социального микропространства человека.

Общий уровень национальной толерантности также достаточно высок. Существенным отличием от показателей религиозной толерантно-